

Сентября 2 (15)

Священномученик
Евфимий (Горячев)

Евфимий Никитич Горячев родился в селе Никольское-Барнуки Городищенского уезда Пензенской губернии 19 января 1884 года в бедной крестьянской семье. Ему было четыре года, когда умер отец, а вскоре после этого умерла и мать. Он был единственным мальчиком в семье и остался на попечении сестер.

В этом же селе жил его дядя Алексей Горячев с женой Александрой, крестной матерью Евфимия. У них было своих четыре сына, но они с радостью приняли мальчика в дом. Семья была богобоязненная, а Александра даже и среди своих православных односельчан отличалась глубокой религиозностью и рассудительностью. И местный священник советовал, бывало, кому-нибудь из прихожан, когда у тех возникали трудности в семье или с родственниками, или с близкими людьми, когда для правильного решения требовались опытность и рассудительность, пойти поговорить с Александрой.

У священника своих детей не было, и когда Евфимию исполнилось семь лет, он позвал Александру и сказал:

– Александра, отдай мне своего приемыша-крестника. Тебе тяжело. У тебя у самой четыре сына, а я его воспитаю.

Александра за это время полюбила кроткого сироту, который нравом был тих и послушен, но сочла, что дальнейшее воспитание в доме священника будет для мальчика полезней, – и согласилась.

Священник отдал учиться Евфимия в сельскую школу, а затем определил в двухклассную школу, которая в тот год была преобразована в семинарию. Живя в семье священника, Евфимий ничем не отличался от крестьянских детей – одевался, как и они, и так же, как и они, ходил в лапотках. Кто знает, – думал священник, – в каких обстоятельствах придется жить мальчику, не имеющему поддержки от родителей. Он считал, что юноше полезно с раннего возраста обучаться навыкам самостоятельной жизни. Учась в семинарии весьма прилежно, Евфимий уже сам зарабатывал, давая уроки в семьях, где родители были побогаче, а дети поленивей. По окончании семинарии Евфимий поступил учителем в школу села Архангельского. Здесь он проработал семь лет и совсем обжился. Село было крестьянское, но в трех верстах от него была железнодорожная станция Чаадаевка, здесь жили семьи служащих, купцов и тех предпринимателей, которые легко находили в дореволюционной России применение своим талантам и трудолюбию. Образованной молодежи сходилось вечерами человек по восемнадцать. Евфимий Никитич, как человек веселый, общительный и к тому же хороший танцор, быстро стал душой местного общества. Здесь он едва не женился. После нескольких лет учительства Евфимия в эти места приехало семейство Поповых. Это были люди состоятельные, они построили лесопильный завод, имели в городе большой дом, капиталы в банке. При этом они были людьми глубоко религиозными и не пропускали ни одной праздничной или воскресной службы. И, пожалуй, больше, чем материальный достаток, они ценили духовную настроенность человека. И потому, познакомившись с местной молодежью, которая стала собираться у них в доме,

пожелали свою единственную дочь отдать за Евфимия Никитича, человека хотя и бедного, но благонравного и верующего. Не против была и сама дочь, нравилась и она Евфимию. И местный священник, Александр Федоров, советовал Евфимию жениться на ней. И жена дяди, Александра, говорила: «Зачем упускать свое счастье – женись на ней». Но ее богатство и то, что за ней давали большое приданое, смущали его. Казалось бесчестным жениться на богатой невесте, не хотелось, чтобы люди поминали потом, что он из-за денег женился. Жалованья Евфимий получал тогда восемнадцать рублей, иных доходов у него не было, а этих денег только и хватало, чтобы прожить одному. И брак не состоялся.

Вскоре начальство предложило Евфимию перейти из Архангельской школы в Воскресенско-Лопуховскую, в двадцати пяти верстах от Пензы. Условия были выгодные: двадцать рублей жалованья и восемнадцать рублей пятьдесят копеек за уроки пения и управление церковным хором. В Архангельском вся квартира состояла из одной комнатки, а здесь предлагали пять комнат. По тем временам жалованье и условия были настолько хороши, что на эти средства уже можно было содержать семью. Поскольку жениться на дочери Поповых Евфимий отказался, то дядя с тетей советовали жениться на дочери Константина Кирьянова – Александре. Они торопили с женитьбой, так как считали небезопасным несемейное проживание молодого человека, которому приходится общаться на службе с молодыми женщинами, и очень опасались, как бы его кто не увлек.

Константина Владимировича Кирьянова Евфимий знал с раннего детства, и в чем-то судьбы их были похожи, отчего, может быть, они и любили друг друга. Константин воспитывался в семье своего деда, которого звали Кириан. Дед был строгим, но справедливым, и все сыновья и внуки беспрекословно его слушались. Константин был самым меньшим внуком. И вот когда старшие стали собираться в школу, Костя увязался за ними.

– Что это вы, ребенка привели? – спросил учитель.

– Я не ребенок, я буду учиться, – ответил Костя.

– Да ты же еще маленький учиться, тебе года два подождать надо, – возразил учитель, но все же решил оставить его – пусть попробует.

А Костя оказался на диво способным, быстро выучил алфавит и научился читать, затем стал писать по заданию учителя сочинения – и тоже исправно. Учитель решил записать его в число учеников и спросил:

– Ты чей? Как твоя фамилия? С кем ты живешь?

Дети загалдели вокруг:

– А это деда Кирьяна внук.

Так учитель и записал: «Кирьянов».

Крестьяне в тех местах небогаты, семьи большие и поставить всех детей на ноги нелегко, так что многим и не по силам было отдавать детей в школу. А Кирьяна внук, хотя мал годами, а грамоте был научен, и стали к нему ходить крестьяне с просьбами: «Костя, напиши прошение... Костя, напиши письмо...»

Дед ему в этих случаях всегда говорил:

– Костя, к тебе с просьбой пришли, садись за стол и помоги людям. Ты же знаешь, что творить добро – это самое главное дело в жизни.

Константин вырос, стал красивым молодым человеком, женился, работать устроился к богатому купцу Пилибину. И стал замечать купец, что Константин работающ и смекалист, а, главное, честен, что в торговых делах среди русских купцов до революции почиталось качеством наисущественнейшим: оно и деньги бережет, и за деньги его не купишь. И стал купец ему поручать ответственные

торговые дела и большие суммы денег. И наконец отделил, чтобы Константин вел свое самостоятельное дело.

Евфимий Никитич вспоминал впоследствии:

«С дядей Костей Кирьяновым мы иногда у дяди встречались. Беседовали. Он выбился из страшной нужды, сам, собственными силами и только своей головой и умом. Видит, что и я из большой нужды встаю на прочную дорогу, настолько верную, что моя, пожалуй, выше и прочнее, чем его... И говорит однажды:

– Нет, Ефим Никитич, не говорите, а ваше богатство козырнее и прочнее. У меня в один момент может все пропасть, а у вас вечный кусок хлеба, вечное богатство!

– Ну уж и нашли богатство! Да я весь тут. И кроме того что со мной, у меня ничего нет!

– Что ж? Вы сами-то весь золото. Если нас с вами поставить на чаши весов, то вы один меня перетянете со всей моей требухой, то есть с моим богатством!»

Уговоренный родственниками, Евфимий поехал посмотреть свою будущую невесту, Александру. Увидел, что нисколько она его не любит и навряд ли полюбит, не такого ей надо. И роем поднялись мысли: «Хоть ты и обещался дяде с тетей и Константину Владимировичу, не смущайся этим! Беги! Ведь на всю жизнь хочешь связать себя. Лучше какой угодно скандал, но не связывай себя на всю жизнь. Много будешь страдать, это только начало!»

После отъезда Евфимия Константин Владимирович дочери бесповоротно сказал:

– Мое отцовское желание – я тебя замуж отдам только за него.

– Папочка, лучше я умру, но не пойду за него!

– Это отцовская воля! Пойдешь!

– Не пойду!

Не стал отец ее убеждать – время само убедит. А если не время, то вожжи.

Через несколько месяцев пришла пора окончательно решать, но Александра никак не хотела выходить за Евфимия. Было ей тогда всего лишь пятнадцать лет, она считала себя красавицей, была избалована и выйти замуж за нелюбимого человека, не красавца и небогатого, казалось ей настоящей каторгой. Упала она перед отцом на колени и стала упрашивать, чтобы он не выдавал ее за Евфимия. Константин принес вожжи, с силой ударил дочь несколько раз, она закричала:

– За кого хочешь отдай, только не бей!

Александрке несколько месяцев не хватало до шестнадцати лет. Написали прошение архиерею, тот благословил совершить венчание, и 9 февраля 1909 года их повенчали. Размолвки между ними начались сразу. Теперь, став женой нелюбимого человека, она, как в отместку, не только ему это показывала, но и окружающим. Если шли в гости, то Александра старалась сесть за стол рядом с кем-нибудь, только не с мужем. Если возвращались из гостей, то садилась в повозку или в сани с кем-нибудь – с мужчиной или с женщиной, безразлично, но только не с мужем. Люди это, конечно, видели, и для самолюбия Евфимия такие уколы были весьма чувствительны. И ничего нельзя было сделать, только терпеть, и Евфимий терпел. Александра не любила своего мужа, но в супружестве была ему верна, и когда появились дети, полюбила их со всей беззаветностью материнской любви. Единственный, пожалуй, недостаток в ней, который тревожил Евфимия, была ее неглубокая вера: никогда он не видел ее молящейся со слезами или так, чтобы она обо всем, кроме молитвы, забыла.

Между тем среди молодежи начинали затеваться сходки и кружки, пошли разговоры о социализме, выказывалось все большее недовольство монархическим строем, от сытости жизни и благополучия многим хотелось перемен, хотя бы и революционных. Но главное, что происходило тогда среди образованной молодежи, – это обмеление душ, угасание тяги к духовному, а отсюда невосприимчивость церковных обрядов, непонимание их. С беспокойством смотрел на это священник, воспитатель Евфимия.

Знал, как легко увлекает приятельская молодежная среда на путь заблуждений, вся прелесть которых в неиспробованности их. И он решил поговорить с Евфимием.

– Мое последнее великое желание, чтобы ты выбрал духовный путь, стал священником, – заключил он беседу.

Священник Евфимий Горячев с женой Александрой. 1912 год

Евфимий согласился, и в 1911 году поступил на пастырские курсы в Москве. Проучился он девять месяцев, и в марте 1912 года был рукоположен в сан священника с назначением в сибирское село Ново-Новоселово.

С трепетом сердечным ехал о. Евфимий в родное село молодым батюшкой, страшась уронить себя, растерять ту божественную благодать, которую он получил в таинстве священства. Уже он отчетливо ощущал, что теперь он не простой человек, а Божий слугитель.

Сразу же по приезде в Барнуки пришлось быть на свадьбе у родственников, и здесь Александра снова при гостях показала, что нисколько не любит и не уважает своего мужа, хотя теперь и священника.

Тяготы домашней жизни и непонимание женой были как бы червоточиной в сердце, постоянной болью, но он старался преодолеть это в себе, для чего быть прежде всего священником. Причем открылись в нем большие проповеднические дарования, так что крестьяне за сто верст приглашали его, снаряжали подводу и привозили, чтобы только послушать.

Начав служить, о. Евфимий, сам выросший в бедности, не мог смотреть равнодушно и на чужую нужду. И за требы, если крестьяне были бедны, никогда ничего не брал. Поначалу весь доход его был – принесет кто из крестьян крынку молока или немного яиц, но и это домашним приходилось утаивать от него, а если узнает, то обязательно скажет:

– Зачем же вы взяли? У них у самих нужда!

Если видел кого нуждающимся, да еще если семья потеряла кормильца, то в этом случае он отдавал и свое последнее. Очень скоро он и его семья стали испытывать большую нужду. Но о. Евфимий не унывал, добывая средства к жизни наравне со своими прихожанами крестьянским трудом.

Прослужив пять лет в селе Ново-Новоселово, о. Евфимий 11 марта 1917 года был назначен в Никольскую церковь села Большой Улуй. Здесь, в Красноярском крае, вблизи города Ачинска, прошла почти вся его священническая жизнь. Прихожане любили о. Евфимия за бескорыстие, за его верность Богу и Православной Церкви и за проповеди, которые он говорил не заученными раз и навсегда словами, но из глубины сердца, прилагая к произносимому свой духовный опыт. Когда перед исповедью он говорил проповедь о покаянии, о его благодатных дарах, о грехах, отдаляющих человека от Бога, то прихожане становились на колени, и многие, не стыдясь, плакали вслух, сокрушаясь о своих грехах.

5 ноября 1917 года состоялось собрание прихожан одного из благочиний Ачинского уезда, на котором о. Евфимий был избран благочинным. Этот год был началом всероссийской смуты. Смерть могла войти в каждый дом.

«В начале 1919 года, – вспоминал о. Евфимий, – стали расплзаться слухи, втихомолку сначала и более смело и настойчиво потом, что между Ачинском и Большим Улуем оперирует какая-то группа, банда, отряд и т. п. Этот отряд многих едущих в Ачинск или оттуда не пропускает, некоторых грабят, а некоторых и убивают. Базой этого отряда называли деревню Лапшиху. Потом все чаще и чаще в устах народа стала раздаваться фамилия Щетинкина как начальника отряда, оперирующего в нашем районе, но еще не бывавшего в Большом Улуе. В конце января или в начале февраля один из граждан села Ново-Еловского привез мне записку, в которой говорилось, что их священник Владимир Фокин взят неизвестными людьми и отвезен в деревню Лодочную¹. В это же время или немного позднее донесли до меня весть о том, что убит кем-то и еще один священник моего благочиния – священник села Петровского Михаил Каргополов, бывший до принятия сана священника офицером казачьих войск².

В это время некоторые из священников переехали в город Ачинск, в некоторых приходах не было священников, некоторые священники не ночевали у себя дома, а у кого-либо из своих прихожан. Проснувшись однажды утром, я узнал, что наше село Большой Улуй занял со своим отрядом Щетинкин и мы находимся в его власти. Многие из моих прихожан предостерегали меня, чтобы я поберегся – не ездил бы в другие приходы с требами, не выходил бы ночью и т.п. Но я продолжал жить обыкновенной жизнью. Выпадов от лиц отряда Щетинкина против меня тогда как будто не было, по крайней мере, я ничего такого не слышал. Приходилось мне сталкиваться как с представителями отряда Щетинкина, так и с ним самим. Однажды был такой случай. Дело было зимой перед масленицей. За мной приехал на лошади крестьянин нашего села Алексей Киселев и сказал мне, что меня требует Щетинкин. Семейные мои ударились в

слезы. Я сейчас же собрался и поехал. Привез он меня в дом местного жителя Тихонова.

Полон дом был членами отряда Щетинкина. Меня провели в другую комнату. Здесь сидели в два ряда соратники Щетинкина с винтовками и штыками на них. Между ними был прямой проход к передней стене, где за столом, как я догадался, сидел сам Щетинкин. Он пригласил меня сесть, и у нас с ним произошел следующий разговор:

– А на вас, батя, жалоба!

– В чем дело?

– Вы отказались повенчать сына одного гражданина Красновского прихода.

– Раз отказался, то значит была причина к этому. Или жениху не доставало лет до определенного возраста, или у него нет надлежащих документов.

– Нет, у него документы есть, но от нотариуса, а вы требуете метрику.

Я припомнил данную просьбу ко мне и сказал:

– Я его по нотариальным документам повенчать не могу.

– Но почему же? Я сам венчался по нотариальным документам!

– В подтверждение ваших слов могу добавить, и я венчался и венчаю по таким же документам, но этого гражданина повенчать не могу!

– Почему?

– По нотариальным документам можно повенчать только лиц, родившихся в России или вообще в отдаленных местах, указанный же гражданин рожден здесь и крещен в Красновской церкви. Нам же известно, как составляются нотариальные акты. Поехал, допустим, гражданин в город на базар. Берет там первого попавшегося знакомого, поит его водкой и просит его пойти к нотариусу и засвидетельствовать, что его сыну девятнадцать лет. Тот, не зная сына этого и ни разу не видя его, идет к нотариусу, и они пишут надлежащий акт. Вот вам и документ. А нашего брата, попа, потом тянут, ибо устанавливается, что повенчанному всего лишь шестнадцать лет. Когда субъект не здесь рожден, то я не отвечаю. Если же он рожден здесь, то отвечаю я за неосторожность и отвечаю довольно серьезно перед своим начальством.

Щетинкин рассмеялся.

– А ведь ты, батя, правду говоришь, я сам знаю случаи, когда ваш брат венчает чуть ли не двенадцатилетних по этим документам. Но как же быть? Ведь вы знаете, что в Красновой нет ни попа, ни псаломщика, кто же там напишет метрику?

– Я давал записку к церковному старосте, в которой просил его отпустить из церковного архива метрическую книгу за такой-то год, но жалобщик, очевидно, не нашел нужным сделать так, как я ему предлагал, а предпочел обратиться с жалобой к вам.

– Как же, батя, быть? Хочется удовлетворить мужика. А что, если я вас, батя, попрошу повенчать по имеющимся документам?

– А я вас, Петр Ефимович, прошу не просить меня об этом. Что же будет, если я вас буду просить о делах, касающихся ваших дел, а вы меня будете просить о моих поповских делах? Получится одна путаница.

Щетинкин снова рассмеялся.

– Эка ты, батя, какой несговорчивый. Ну, а если я сам напишу эту метрику, когда буду в Красновой?

– А я вам дам бланк для этой метрики, и когда вы ее напишите, то как вы не поп и не псаломщик, то пусть эту метрику подпишет еще кто-либо, что она с подлинником верна.

– Ладно, так и решим! Эй, дядя, собирайся сейчас с нами, и я тебе выдам нужную метрику! До свидания, батя!

Метрика вскоре была прислана и брак повенчан. В другой раз меня водили к Щетинкину за то, что я отказался повенчать брак из другого прихода на масленой неделе, ибо в эти дни по уставу Церкви браковенчать нельзя. Щетинкин, разобравшись в этом деле, со смехом сказал жалобщикам:

– Слушайте, братцы, я ведь не архиерей, как же я могу впутываться в эти дела?

В следующий раз Щетинкин на сходке просил моих прихожан, чтобы они отпустили меня с ним в село Краснове, чтобы я там послужил неделю для красновских постников. Но мои прихожане меня не отпустили: «У тебя, Петр Ефимович, ребята озорные. Взять-то ты у нас попа возьмешь, а вернешь ли его обратно?» Щетинкин на это рассмеялся и меня в Краснове не взял.

Но вот с первых недель Великого поста поползли слухи, конечно, шепотом, что из города Енисейска идет какой-то казачий карательный отряд, который уничтожает большевиков и все предает огню и мечу. У меня был тесть, приехавший из России. Однажды вечером он выходит из кабинета и говорит:

– А что-то неладное. Выскочили из переулка какие-то люди и направились сюда, к церкви. Они что-то тащили за собой на санках. Оглянулись боязливо по направлению к волости и пошли туда, а один направился как будто к нашим воротам.

В это время отворилась дверь и вошел незнакомый человек.

– Здесь есть красные?

– Нет, кажется, нет.

– Давно они ушли?

– Не знаю!

– Мы казаки карательного отряда. Преследуем красных вообще, и, в частности, отряд Щетинкина. Вы священник местный?

– Да.

– Командующий отрядом распорядился, чтобы в вашем доме для него и его штаба была квартира. Приготовьтесь!

– Возражать против этого, конечно, не приходится, но я бы просил, нельзя ли вам занять другой дом, более поместительный? У меня пятеро ребятишек, все они очень малы, вы их у меня затопчете.

– Ладно, скажу об этом полковнику, но вы, может быть, пойдете и покажете мне более поместительные дома.

Я собрался и, выйдя на улицу, показал ему на здание волости и дом Климовского, куда он и направился.

В это время на улицах было уже очень много казаков. Походив около своего дома, я направился к зданию волости и дому Климовского, которые были расположены через дорогу друг от друга. Казаки толпились больше около дома Климовского. Я вошел в дом, там было много казаков, и в особенности, судя по виду, казачьих офицеров. За это время стемнело. Потолкавшись в толпе, я направился домой. По пути я встретил жителя села Новоселова Черемнова, который был избран заместителем председателя волисполкома при Щетинкине. Он стал просить меня, чтобы я заступился за него, если к тому представится

случай, перед казачьим начальством. Я это ему обещал, даже высказал ему уверенность, что его, Черемнова, ничто худое не ожидает, ибо он был, как мне было известно, на очень хорошем счету у населения. Придя домой, я увидел, что моя квартира полна казаками, их командным составом во главе с полковником, и посторонним народом. Полковник был в верхней одежде, увидев меня, он пошел ко мне навстречу.

– Вы, батюшка, вероятно, хозяин здесь? Мы извиняемся, что наделали вам беспокойств своим присутствием или, вернее, вторжением, но видя, что у вас нам и вам при нас будет не совсем удобно, мы решили перекочевать в другую квартиру.

Я ненадолго остановил его и тут же попросил его быть снисходительнее к населению вообще и к виновным в частности. В особенности стал просить за гражданина Черемнова, указавши на то, что он пользуется уважением и симпатиями населения и, по моему мнению, вряд ли способен на что-либо дурное. Полковник успокоил меня, сказав, что во всем разберется и невиновные не пострадают за эту ночь. С этими словами он удалился, а вместе с ним удалились все посторонние. Остались одни мои семейные. Но мне не терпелось. Я снова оделся и пошел в дом Климовского, где, как я и предполагал, остановились штаб и полковник. Там было полно народа. Я протискался в дом, а потом вместе с другими в верхний этаж дома, где, как потом я узнал, уже началась расправа. Входя по лестнице в верхний этаж, я услышал громкий ужасный крик. Только что я отворил дверь, как услышал:

– Да меня вот и батюшка хорошо знает! – Это говорил житель деревни Баженовки Григорий Кириллович.

Ко мне обратился казак, стоящий около него, с вопросом, действительно ли я знаю этого гражданина и с какой стороны. В это время Григория Кирилловича потребовали к полковнику в другую комнату, куда вместе с ним направился и я. Я сказал полковнику, что Григорий Кириллович мне хорошо известен, имеет большую семью, ни в чем предосудительном не был замечен, но ввиду того, что на войне был фельдшером, Щетинкин мобилизационным порядком принудил стать фельдшером в его отряде.

– В чем его вина? – спросил полковник.

– Мы сейчас встретили его на дороге. Он ехал в Улуй. Мы его окликнули. Он нам ответил: «Свой, товарищи!» – Мы его и привели сюда.

– Отпустите, пусть идет, куда хочет, а ты молись Богу за батюшку, если бы не он, то получил бы и ты горяченьких.

В это время ввели двоих ребят лет по двадцати, моих прихожан из деревни Сучковой. Я сейчас же вступился за них, говоря, что их хорошо знаю, это хорошие ребята и т.д. Но полковник не дал мне договорить:

– Батюшка, не будем мешать друг другу. Вам, поверьте, не место здесь, лучше будет, если вы пойдете домой!

Не успел он это проговорить, как я оказался не то выведенным, не то вытесненным за дверь, за которой вскоре раздались снова крики и вопли. Я постоял. Рванул дверь, но ее, очевидно, держали. Снова постоял. Сбежал в нижний этаж и, не заходя в комнаты нижнего этажа, поплелся тихо к себе домой.

Не помню, спал ли я эту ночь. Рано утром, до солнечного восхода, я снова отправился к дому Климовского. Между домом Климовского и зданием волисполкома начинается ров и по нему дорога на реку Чулым. Почти на дороге лежали два трупа, раздетые и растрепанные. Один выше, на покато́й стороне рва,

другой ниже, в самом рву. Около верхнего стояла и хрюкала свинья. Вдруг эта свинья схватила зубами за плечо труп и начала трясти головой и рвать его зубами. У меня от этой картины буквально как бы перевернулись все внутренности. Я бросился в дом Климовского в надежде выпросить у полковника позволение убрать трупы. Но у дома Климовского мне сказали, что полковник и его штаб перешли ночью на другую квартиру. Я направился туда, но там мне сказали, что полковник спит. Я заметался по улице, пробежав торопливо к своему дому и обратно к квартире штаба несколько раз. В это время я заметил еще один растерзанный труп неизвестного мне человека. Я снова бросился к полковнику. Он встал и умывался. Я выпросил у него позволение убрать и похоронить трупы и спросил, что же ожидает село и его жителей? Он ответил:

– А ваш Улуй я сотру с лица земли. Весь выжгу, а население расстреляю, по крайней мере каждого десятого, считая баб и ребятишек!

– В таком случае, я надеюсь, что вы не откажете в моей просьбе начать выжигать село с моей квартиры, а при расстреле начать с меня, десятой расстрелять мою жену, двадцатым – моего первого ребенка, тридцатым – второго и так далее до последнего!

– У меня нет, правда, ясных доказательств вашей виновности. Ваш дом и ваше семейство будут из общего числа исключены!

– Полковник, подумайте, что вы говорите! А разве у вас имеются ясные доказательства виновности каждого ребенка, каждой женщины, каждого жителя?

– А! Пустая трава из поля вон!

Полковник умылся и сел пить чай. Я же за это время страшно разнервничался. Плакал, умолял пощадить граждан, лучше расстрелять меня и мою семью. Ползал на коленях. Полковник сначала шутил, потом начал успокаивать меня, приглашал пить с ним чай, плюнуть на все. В этот же день был собран сход жителей села Большой Улуй. Офицер штаба сказал им:

– Я не знаю, что предпримет полковник для того, чтобы наказать вас, но думаю, что вам мало не будет.

Я вызвался снова просить полковника за жителей. Снова побежал к нему. Полковник был уже в умиротворенном настроении и обещал мне, что больше никаких репрессий по отношению к большеулуйцам не будет, что и исполнил».

Время было страшное, беспощадное. В тех же местах служил священник Трофим Кузнецов. Однажды в январе в село въехал отряд красных; расспросив, где дом священника, красноармейцы направились прямо к нему; вошли в горницу и, ничего не объясняя, приказали:

– Ну, отец, давай собирайся. Пошли.

Священник оделся, они усадили его на телегу и увезли из села. Наутро выяснилось, что палачи привезли о. Трофима на кладбище, привязали к березе и затем каждый выстрелил в него.

Однажды вооруженный отряд стал обстреливать Большой Улуй, стреляли так сильно, что кое-какие дома начали загораться. Матушка Александра собрала детей и спустилась с ними в подпол, а о. Евфимий сказал:

– Я иду в храм.

За ним увязалась старшая дочь Антонина, схватилась за рясу, не отпускает. Пришлось идти вместе. Пожар был местами уже столь силен, что у о. Евфимия от жара вспыхивали волосы на голове.

Отец Евфимий вошел в храм, прошел в алтарь, открыл Царские врата и начал молиться. Только двое было их в храме: священник у престола и ребенок

на коленях перед алтарем. Девочка плакала и просила Бога их всех пожалеть. Отец Евфимий говорил впоследствии: «Это детская молитва спасла село».

В Сибирь советская власть пришла в 1922 году, и вместе с нею пришло обновленчество. За сопротивление живоцерковникам о. Евфимий обновленческим УЦУ (Уездное Церковное Управление) 21 ноября 1922 года был отстранен от должности благочинного. Созванный тогда съезд священников и прихожан благочиния постановил оставить его в этой должности, но о. Евфимий отказался, поскольку часть приходов и духовенства перешла в обновленчество, а он продолжал служить по-старому, не обращая внимания на распоряжения обновленческого УЦУ. Тогда обновленцы решили применить к о. Евфимию меры церковно-дисциплинарные. Постановлением Ачинского УЦЕС (Уездный Церковный Епархиальный Совет) от 20 июля 1923 года и резолюцией Красноярского ГУБЦЕС (Губернский Церковный Епархиальный Совет) он был уволен за штат и запрещен в священнослужении. Но о. Евфимий продолжал служить как служил. Тогда обновленцы обратились к гражданской власти. Распоряжением ГУБЦЕС и резолюцией обновленческого архиепископа Георгия Жука о. Евфимий назначен был к высылке из пределов Ачинского округа. Обновленцы ждали, что власти арестуют непокорного православного священника, но этого не произошло, и тогда 25 января 1924 года протоколом ЕЦС (Епархиальный Церковный Совет) о. Евфимий за сопротивление обновленчеству был лишен священнического сана. Но он продолжал служить, не обращая внимания на угрозы и прощения. Обновленцы, однако, не оставили попыток изгнать православного священника, и в конце концов в августе 1924 года он был арестован и заключен в Ачинскую тюрьму, где пробыл месяц, а затем отправлен в тюрьму при Красноярском ГПУ, где пробыл два месяца. Возвратился о. Евфимий в село Большой Улуй в начале декабря. В его храме служил обновленец, и все храмы в округе были захвачены обновленцами, и о. Евфимию служить было негде.

Весной 1925 года в Красноярск прибыл православный архиерей, епископ Красноярский и Енисейский Амфилохий (Скворцов). В апреле о. Евфимий приехал к нему, и владыка благословил его служить, где представится к тому возможность. А прихожанам Большого Улуя велел объявить, что о. Евфимий имеет благословение законного православного архиерея служить в храме службу Божию.

Известия о прибытии в Красноярск православного архиерея, о его благословении, данном о. Евфимию, дошли до прихожан Большого Улуя, и они принудили обновленца покинуть село. В Великий Четверг 1925 года о. Евфимий стал служить в прежнем храме настоятелем. К июню все четырнадцать церквей благочиния вернулись в православие. 21 января 1926 года состоялось собрание благочиния, на котором прихожане вновь избрали о. Евфимия благочинным. 23 июня епископ Амфилохий утвердил выбор церковного народа.

Обновленчество, хотя и было потеснено, но, энергично поддерживаемое властями, не исчезло, бороться с ним православные могли только словом, и епископ стал посылать настоятелями соборов больших городов епархии исповедников православия. Стойкость о. Евфимия, его верность Православной Церкви в условиях гонения, личная беседа с ним убедили архиерея назначить о. Евфимия настоятелем городского собора. 26 июня 1926 года епископ перевел его в Троицкий собор города Ачинска.

После смерти Патриарха Тихона и ареста Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра возник григорианский ВВЦС (Высший Временный Церковный Совет), претендовавший административно возглавить Церковь. Ачинское благочиние и церковный совет Свято-Троицкого собора просили о. Евфимия и старосту собора Сергея Митрофановича Байнова выяснить, насколько каноничны данные претензии ВВЦС на управление Церковью. В ноябре 1927 года они выехали в Москву. Прежде всего они посетили митрополита Агафангела (Преображенского) в Ярославле, затем дважды побывали в Москве у митрополита Сергия (Страгородского), трижды встречались с епископом Звенигородским Филиппом (Гумилевским) и, наконец, присутствовали в качестве гостей на четырех заседаниях григориан, проходивших в Донском монастыре. Суждение, вынесенное о. Евфимием о григорианстве, было вполне однозначно, но спутник его мыслил иначе, предполагая, что соборная община может приобрести множество благ от признания ВВЦС.

Отец Евфимий подробно объяснил ему, что ВВЦС неканоничен, что единственная цель этого административного новообразования – внести разлад в Церковь, и делается это с согласия безбожных властей, потому что некоторые епископы пытаются служить и советской власти, и Богу.

– А в старой Церкви были офицеры и дворянство, которые вовсе не верили в Бога, – неожиданно возразил Байнов, полагая, вероятно, что наличие в дореволюционной России неверующих и маловерующих людей, которые, однако, посещали храм, вполне оправдывает любое сотрудничество епископов с безбожной властью.

– Но старая власть, – возразил о. Евфимий, – не гнала Церковь, как нынешняя советская, а я буду всегда на стороне такой власти и таких людей, которые дают свободно веровать.

После их возвращения в Ачинск было созвано приходское собрание. На нем выступили Байнов (он предложил общине признать ВВЦС) и о. Евфимий, который подробно объяснил, почему этого делать нельзя. Община собора отказалась признать ВВЦС, а за ней и все храмы благочиния.

В 1929 году гонения на Церковь, не затихавшие вполне и раньше, резко усилились. Воинствующее безбожие действовало всеобъемлюще, спеша погрузить все стороны земного бытия человека в свою ужасающе гнетущую, безблагодатную атмосферу, иногда действуя с помощью демонстрации ошеломляющего душу бесстыдства. Не раз, бывало, в те годы матери задергивали занавески на окнах и, бросаясь к детям, говорили: «Не выглядывайте на улицу, не смотрите!» В это время совершенно голые мужчина и женщина, нацепив кумачовые полосы с надписью «Долой стыд и совесть!» шли по улицам Ачинска. И так ходили в течение нескольких дней. Для небольшого сибирского городка явление невиданное, верующими оно воспринималось как предвозвестие прихода антихриста. В 1929 году власти попытались сбросить колокола с Троицкого собора, но прихожане не дали. Люди густо устелили землю своими телами, заняв все пространство внутри церковной ограды. Безбожники на время отступили.

Гонения обрушились на священника. Власти отобрали дом. После долгих поисков семья нашла в глухом конце города баню, и в ней поселились о. Евфимий с женой и семеро детей. Вещи и домашний скарб – все к этому времени было властями отобрано. Вместо постели сшили мешки, наполнили их соломой,

получился большой матрас, на нем все дети и спали. В углу стоял маленький столик, в предбаннике были сложены дрова.

30 ноября 1929 года о. Евфимия арестовали. Жена была в отчаянии. Муж был кормильцем, а теперь она осталась одна, никто из детей не работал, а их было семеро. Они остались почти буквально в холоде, голоде и наготе. Отчаяние было такое, что Александре не раз приходила в голову мысль затопить печь, закрыть ее с головешками, чтобы разом и себя, и детей уморить и не мучиться.

Но Господь их не оставил, прихожане после ареста о. Евфимия стали приносить продукты, и их хватало для семьи и для передач в тюрьму.

Старшая дочь Антонина пошла навестить отца. Подошла к тюрьме. У ворот часовой с винтовкой, на улицу выходят тюремные окна, полуподвальные, но конвоир к ним близко не подпускает.

– Иди, девочка, отсюда!

– Пожалуйста, скажите, где мой папа? Я хочу только голос его услышать. Скажите, какое окошко?

– Иди, девочка, отсюда, – повторил конвоир, – нам не велено разговаривать. Иди отсюда!

– А почему вам не ведено разговаривать? – спросила девочка.

– Потому что я на посту.

– Может быть, вам нужно кого-нибудь убить, то вы меня убейте, а папу не убивайте. Пожалуйста, отпустите его! – И нагнувшись поближе к окошкам, крикнула: – Папочка!

Оказалось, о. Евфимий был совсем близко. Он услышал и ясно, внятно сказал:

– Подальше отойди от окна, а не то не этот конвоир, так еще кто-нибудь выстрелит.

– Папочка, скажи мне что-нибудь, – попросила девочка.

– Вы хоть что-нибудь ели сегодня? Что вы сегодня ели? – спросил он.

– Папочка, да мы и тебе принесли, – отвечала она.

Начались тяжелые допросы в тюрьме. Отца Евфимия обвиняли в том, что он, «не являясь сторонником советской власти, вел систематическую антисоветскую агитацию», говорил прихожанам, что «советская власть заставляет отречься от Бога и от Церкви». Следователи в обвинительном заключении писали, что о. Евфимий «не только не любит власти, ее мероприятий и коммунистов вообще в настоящее время, но в прошлом, в период колчаковской реакции, вел с ними активную борьбу путем выдачи партизан и сочувствовавших советской власти лиц карательному отряду Колчака».

Отец Евфимий пространно ответил на все обвинения и все их отвел. Заканчивая свои объяснения, он написал: «Всякого, кто хотел бы утверждать и говорить, что у меня еще были какие-либо сношения с представителями или участниками колчаковской реакции, я считаю и называю лжецом и те слова и донесения ложью. Если бы мне пришлось и погибнуть, я погиб бы с мыслью, что никому и никогда намеренно не сделал зла».

Были вызваны свидетели, показания которых лишь подтвердили невиновность о. Евфимия. Был вызван друг о. Евфимия священник Никита Сторожев. На вопросы следователя о. Никита ответил немногословно:

– Мы вели разговоры преимущественно о пасаках. За этими разговорами также вели разговоры и о жизни. Говорили, в частности, и о налогах. О том, что налоги непосильные...

После заключения о. Евфимия в тюрьму к нему в камеру посадили осведомителя Александра Агафонова, который стал убеждать священника отказаться от сана.

– Многие священники сейчас, – говорил он, – работают бухгалтерами, секретарями...

На его доводы о. Евфимий ответил:

– Бросить священство – никогда не брошу! Служу я по убеждению. Может быть, будет время, когда нас будут возить под соломой, под назьмом, чтобы совершать службы в подвалах или даже ямах, и тогда я не брошу служить. Советская власть преследует христианство. Христианство останется. Возможно, останутся только одни сильные, которые сумеют возродить христианство. Были в древности такие периоды, когда христиан сжигали, но несмотря на это, в катакомбах, в подвалах христиане остались, и христианство восторжествовало.

– Сейчас вырастет молодое поколение, и оно бросит заниматься религией, – заметил Агафонов.

– Ребенок с молоком матери впитает в себя идеи христианства, – возразил о. Евфимий.

23 февраля 1930 года Особое Совещание при ОГПУ постановило заключить о. Евфимия на три года в сибирский концлагерь. Условия в концлагере были таковы, что вышел оттуда о. Евфимий едва живым.

Когда он вернулся, жена его написала старшей дочери Антонине: «Еще один нахлебник приехал».

Для дочери было настолько прискорбно прочесть эти слова, что она заболела и попала в больницу. Но мысль о том, что отец где-то рядом и у него, может быть, нет пропитания на сегодняшний день, не давала покоя. И, не долечившись, она выпросилась из больницы, чтобы идти просить помощи у своего начальника-управляющего. Он в прошлом был красным партизаном, и ничего хорошего она от него не ждала, тем более теперь, когда все знали, что ее отец-священник вернулся из лагеря. Всю дорогу Антонина усердно молилась, и когда вошла в кабинет, он, не дожидаясь просьб ее, сказал:

– Мы вам муки дадим двадцать килограмм, вам отвезут ее на станцию, вы ни о чем не беспокойтесь.

Антонина смотрела на него, и словно тот же был перед ней, и словно другой, святой, человек. Не того она ожидала. Это был 1933 год, когда и она голодала, и люди тысячами умирали от голода. Погрузили мешок, привезли, донесла она его до баньки, где жил отец-священник с семьей, и остановилась в сенцах, не решаясь войти. Отец Евфимий услышал, будто вошел кто, а дальше не идет, вышел взглянуть. Дочь упала перед ним на колени и стала за себя и за мать просить прощения:

– Папочка, прости! Прости! Прости!

Отец Евфимий наклонился, поцеловал ее в голову и сказал:

– Только я один во всем виноват, никто из вас ни в чем не виноват. Встань, ради Бога, не могу видеть тебя на коленях. Все страдания из-за меня, и вам приходится из-за меня терпеть.

Антонина встала. Ребятишки, голодные, как галчата, глядят, обнялись отец с дочерью, плачут. В это время вошла матушка Александра – она ходила чашку отрубей выпросить и вернулась ни с чем.

– Мама, вот мука, не ищи нигде ничего. Никто у тебя не нахлебник. Это всё вам – ешьте, ради Бога.

И так, милостью Божией, дочь их поддерживала.

Собор в Ачинске был закрыт, и пришлось искать другого места. Прихожане скрипачниковской церкви позвали служить к ним. Переехали, и с 16 января 1933 года о. Евфимий начал служить. Но недолго он прослужил. В апреле храм в Скрипачниковском был властями закрыт. Для о. Евфимия и его семьи наступили тяжелые дни. «Ужасное время было, что и говорить! – писал он позже в письме к дочери. – Недаром, уходя оттуда (из Скрипачниковского. – И. Д.), я просил Бога: «Господи, не допусти меня скоро возвращаться! Пошли мне смерть, но не допусти возвратиться!» Ужас был полный! Тут ребяташки мрут с голоду, а тут я еще объедаю их! Тут я был виноват – что я не плотник, не кузнец, не чернорабочий... Доказывая всю мою ненужность, матушка говорила и то, что Женю (старшего сына, которому было в то время семнадцать лет. – И. Д.) выгонят (с работы. – И. Д.) из-за меня, что Женя ворчит и не знает, как отделиться от меня. Одним словом, ужаснее ужасного!!!»

Чтобы не обременять семью, о. Евфимий решил на время уйти. Зима, самые морозы. Он собрал все свои пожитки – столярный инструмент (все железо и дерево) – это все нужное и оставлять нельзя. Поклажи набралось два мешка, не менее трех пудов. Попробовал поднять – тяжело, не дойти с ними до Ачинска. Но с Женей, сыном, попрощался еще утром, когда тот уходил на работу. Если еще остаться, то сын придет домой обедать, увидит, что отец еще не ушел, и будет недоволен. Простился с женой, с младшими детьми – никто не удержал, не попросил остаться, а как на то он надеялся, ведь никак ему с такой поклажей не дойти по лютому морозу до города. Взвалил о. Евфимий мешки перевязкой на плечи и вышел. Прошел версту, а казалось, десять – так тяжело, и все оглядывался: не выйдет ли кто из домашних, не позовет ли вернуться? Уже и сын должен прийти, сядет обедать, узнает, что он только что вышел, примется догонять, вернет, ведь такая на дворе непогода. Так прошел о. Евфимий пять верст – и все оглядывался. Но никто не бежал его возвращать, пустая дорога, ни впереди никого, ни позади. Да и кто теперь пойдет пешком под ночь. Так он дошел до первой деревни.

Смеркалось. Надо бы зайти заночевать, но не было денег, нечем было заплатить за ночлег, и он, миновав деревню, отправился дальше. Наступила ночь, мороз с каждым часом становился сильнее, а сил двигаться дальше все меньше. Без отдыха мог пройти полверсты. Пока шел – изнемогал от напряжения, весь становился мокрым, а когда садился отдохнуть – мороз моментально проникал сквозь ветхий пиджачишко, пронизывая насквозь. Не доходя до Ачинска верст десять, изнемог окончательно. Твори, Бог, волю Свою, нет сил идти. Посидел минут пять. Слышит, едет кто-то. Смотрит – по дороге в Ачинск едет мужик вразнопряжку порожняком. А у о. Евфимия нет сил встать навстречу. Проехал было, но остановился, спрашивает:

– Кто сидит?

– Человек.

– Чего сидишь?

– Идти не могу.

– Замерзнешь!

– Наверное.

– Давай десять рублей! Довезу! – подошел.

– Если бы у меня был рубль, я сейчас зашел бы в Малый Улуй на станцию и доехал бы до Ачинска, но у меня и рубля нет.

- А кто ты?
- Бывший соборный поп.
- Как же ты очутился в таком положении?

А ему уже и разговаривать лень и ко сну клонит. Тот постоял, постоял и говорит:

– Ну, садись вот на заднего коня.

А батюшка уже и подняться не может. Мужик посадил его, положил мешки в сани и понесся вскачь. Удивительно, что о. Евфимий не только не хворал после этого, но и не обморозился, а мороз был жестокий.

Все церкви в округе закрыли, негде стало служить. В мае 1934 года прихожане Покровской церкви дальнего села Бея выпросили у архиепископа Ачинского и Минусинского Дионисия (Прозоровского) о. Евфимия, чтобы служил у них.

Мужики сами перевезли о. Евфимия и его семью в Бею, и он начал служить; вскоре архиерей назначил его благочинным 5-го округа Минусинского викариатства. Преследования начались сразу же после приезда в Бею, хотя теперь о. Евфимий говорил проповеди редко, хорошо зная, насколько превратно и пристрастно понимают его слова агенты власти. Во всех проповедях старался держаться строго духа церковности. Взрослым он объяснял подробно, насколько важны таинства причащения и исповеди, без которых человека может постигнуть духовная смерть, детей убеждал учиться смолоду исполнять заповеди Божий. Он был счастлив служением в храме, с которым душа за эти многие годы срослась. Но он уже видел, что советские власти налогами и поборами добьются разорения храма, когда не останется средств на закупку свечей, масла для лампад, муки для просфор, дров для отопления. Отец Евфимий видел, что власти пойдут до конца в своих намерениях разорить храм и поддерживающих его материально прихожан. Он несколько раз советовал прихожанам перейти служить в дом, но они убедили священника, что найдут возможность содержать и поддерживать храм. Однако безбожники не оставили своего намерения, и 30 июля 1935 года, перед празднованием памяти преподобного Серафима Саровского, Бейский исполком постановил богослужение в храме «без производства полного капитального ремонта... считать невозможным. Здание церкви до окончания церковным советом капитального ремонта закрыть». Причем обязали прихожан через два дня приступить к ремонту. На Ильин день в церковь пришел председатель сельсовета и сообщил, что будет сейчас опечатывать храм. Отцу Евфимию приказали немедленно покинуть церковную сторожку. Из храма позволено было взять лишь старенькую, штопаную-перештопаную ризу и некоторые богослужебные книги. К вечеру о. Евфимий с семьей переехал на край села, где снял комнату, не имевшую отдельного входа, так что надо было проходить через комнату хозяина дома. Через три дня к священнику пришел сотрудник НКВД и предупредил, что если он немедленно не пропишется на новом месте, то будет приговорен к шести месяцам исправительно-трудовых лагерей. Отец Евфимий тут же собрался и пошел в паспортный стол, но он был закрыт. В тот же день о. Евфимию было предъявлено обвинение в нарушении паспортного режима. Суд приговорил его к шести месяцам исправительно-трудового лагеря. Он подал жалобу, сославшись на невозможность в тот момент прописаться. Кассационный суд оставил приговор в силе, снизив наказание до ста рублей штрафа.

После закрытия храма о. Евфимий и церковный совет послали во ВЦИК телеграмму с просьбой разрешить проводить ремонт, не прекращая

богослужений. Ответа не было, и они послали повторную телеграмму, а вслед за ней письмо во ВЦИК от общины. Но никакого ответа не получили, и священник стал подозревать, не задержаны ли все эти телеграммы местным начальством в Бее, и просил прихожан опустить письмо за пределами района.

Верующие стали просить у местных властей другое помещение для совершения служб. Исполком отказал: «Нет у нас для вас помещений». Верующие сказали, что сами найдут. «Ищите, – ответили безбожники, – и если оно нас удовлетворит, тогда разрешим».

Лишившись храма, прихожане приходили теперь к о. Евфимию домой, что приносило немало хлопот хозяйке дома, и он стал подыскивать другое жилье и месяца через два переехал с семьей в дом с отдельным входом и довольно большой комнатой, где можно было крестить, отпевать, а со временем и служить. Члены райисполкома тем временем постановили «договор на аренду здания бейской церкви» с общиной верующих расторгнуть. И на Рождество Христово о. Евфимий служил в своем доме, в новоустроенной домашней церкви. Присутствовало человек двадцать. В следующий раз служил всенощную и литургию на Крещение. Служил ночью и окончил на рассвете. В конце службы он сказал в проповеди:

– Братья и сестры, нам приходится служить воровски, как изгнанникам, и в этом виноваты вы сами, своим слабоверием, тем что отступили от Церкви. Вы все боитесь. Вы пугаетесь, если кто вам покажет мизинец, а если уж топнет ногой, то вы от страха в землю готовы зарыться, а нужно все невзгоды переносить с терпением, как наши апостолы, как терпели старообрядцы при царском правительстве, они готовы были тайно в соломе перевозить священников, чтобы только служить. Вот и нам, возможно, придется служить и в тайге, и в подполье, все терпеть, все переносить.

С каждым годом, с каждой волной арестов священнослужителей и верующих, Российская земля духовно нищала, отемнялась нравственно, помрачалась разумом. На людей, оставленных советской властью для тяжелого труда на земле, горько было смотреть. Однажды кто-то в присутствии священника начал возмущаться, что вот теперь родители не крестят детей. Отец Евфимий хотел промолчать, но не выдержал:

– Не крестят... А вот если бы пришла другая власть и начала бы зверски убивать всех некрещеных детей, тогда мы стали бы возмущаться, глядя на эту ужасную нелепость. А между тем, мы не возмущаемся тем, что убиваем сами души своих детей, лишая их крещения и тем лишая их жизни вечной. Если бы избиение некрещеных было бы недалеко от нас, то мы поторопились бы скорее окрестить своих детей, бросились бы все к священникам. А между тем, мы совершенно не обращаем внимания, что ужас смерти у каждого из нас за плечами. И не торопимся приготовить ни себя, ни детей своих к встрече с этим ужасом.

Вера. Вера православная. Для всякого человека, а для русского человека в особенности, это необходимейшее содержание души и всей жизни. Без веры русский человек начинает беспрерывно жаловаться и беспредметно унывать. В окружающем мире он действует уже как слепой, но при этом не обращается за разрешением своих жизненных вопросов к Богу. И, как всякого человека, надеющегося более на людей, нежели на Бога, его ждет разочарование. Отец Евфимий смиренно выслушивал жалобы прихожан, хотя сам жил с семьей впроголодь, но однажды сказал:

– Мы всегда только жаловались и жалуемся. Помните, как в начале революции вы жаловались на богачей и нанимателей? Сколько было разговоров и вариаций: «А хорошо нам было, когда мы на вас работали за пять фунтов в день?» А ведь кроме этих пяти фунтов, во время нашей работы богач кормил еще нас раза по три в день. А теперь вы жалуетесь, что вам приходится работать только за один килограмм в день и советская власть более ничего не дает. Не жаловаться нужно, а исполнять заповеди и все терпеть. У нас в том положении, в котором мы оказались, не остается выхода, как терпеть советскую власть и все приносимые ею неурядицы. Если уж нас объявили бревнами, предназначенными для строительства государственного здания, то у нас уже нет выхода, как терпеть, пока все не построится.

Священник Евфимий Горячев. 1936 год

Годы, проведенные в тюрьме, непосильный труд в лагере и голод подорвали здоровье. Отец Евфимий начал болеть, в 1936 году с ним случился инфаркт и он слег. Старшая дочь, Антонина, посетила его; видя, что положение серьезное, она стала его упрашивать сфотографироваться. По своему смирению, считая себя ни во что, батюшка никогда не фотографировался, у него была единственная фотография, сделанная еще в молодости.

– Ты же не поставишь мою фотографию на виду, – сказал о. Евфимий.

– Папочка, да что я! Да разве я могу не поставить твою фотографию на виду?
– возразила дочь.

Отец Евфимий согласился и, когда ему стало лучше, сфотографировался.

Приближался Великий пост, и о. Евфимий решил служить открыто – во всяком случае, в первую неделю поста, на Вербное воскресенье и на Пасху, а после, как Бог даст. Служил он, не спрашивая разрешения властей, но перед самой Пасхой подал заявление, чтобы разрешили служить на Пасху, на Фомине воскресенье и на Радоницу. А про себя решил: разрешат или нет – все равно буду

служить, а власти хотя бы не скажут, что не просил разрешения. Отвратительным раболепством было бы отказаться от церковной службы на Пасху. Верующие собрались в дом священника пораньше, человек тридцать. Началась пасхальная заутреня; около двух часов ночи в дом ворвались сотрудники НКВД с обыском. Все присутствовавшие были переписаны, а священник арестован. При обыске у священника изъяли личную переписку, церковную книгу с регистрацией рождений, смертей и браков, приходно-расходную книгу, церковную кружку, в которой было сто пятьдесят рублей, тысячу двести свечей, семьдесят крестильных крестиков, пятьдесят пять книжечек для церковных поминаний и ветхую ризу.

Пересмотрев все отображенное, власти обнаружили, что священник аккуратно вел все записи рождений, браков и смертей. Сравнили их по книгам, хранящимся в сельсовете. Оказалось, что в сельсовете не зарегистрировано за 1934 год пятнадцать человек родившихся и девять умерших; за 1935 год не зарегистрировано одиннадцать умерших. Обвинили священника, что вопреки запретам советской власти он вел «регистрацию гражданского состояния» и тем «вредил советскому государству, втягивал в преступления часть колхозников и трудящихся единоличников...»

В тюрьме о. Евфимий в объяснительной записке писал: «Если меня необходимо обвинить – покоряюсь этому с радостью. По окончании следствия прошу меня из-под ареста не освобождать, потому что, освободившись, я снова буду чувствовать себя обязанным исполнять свои священнические обязанности, то есть и крестить, и отпевать, и совершать другие требы».

В мае следствие было завершено и священника перевели из дома предварительного заключения в Бее в Минусинскую тюрьму. Его обвинили «в том, что он, будучи священником, собирал у себя на квартире верующих и совершал богослужения, на которых высказывал антисоветские речи...» Отец Евфимий признал, что действительно дома служил, но все иные обвинения отверг. В августе 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило его к трем годам лагеря. В конце августа он был отправлен с этапом в карагандинские лагеря. В степи о. Евфимия сняли с этапа и отрядили перегонять к озеру Балхаш стадо овец. Затем он был заключен в лагерь неподалеку от станции Долинка. Через год, летом 1937 года, против о. Евфимия было начато новое дело. Он был в то время в лагерной больнице и успел отправить домашним свое последнее письмо. Писал, что состояние его здоровья тяжелое, кроме того, потерял очки и их раздавили, так что он теперь слепой. Украли обувь, белье и, наверное, выбросят из больницы раздетым, потому что его надо кормить, а он уже числится не за лагерем, а за оперчастью как подследственный.

Вскоре о. Евфимий был приговорен к расстрелу и 15 сентября 1937 года расстрелян.

Иным был путь друга о. Евфимия **священника Никиты Сторожева**, также принявшего смерть в заключении. Да и характера о. Никита был совершенно иного. Родился он в 1885 году в селе Ново-Жуковка Вольского уезда Саратовской губернии.

Окончил учительскую школу. Избрав путь священства, он должен был жениться, потому что уходить в монастырь не собирался, а рукополагать для приходской церкви священника неженатого тогда было не принято. Но не было у Никиты невесты и был он настолько стеснительного характера, что с девушками не знакомился. Поехал он искать невесту в Пензу в институт благородных девиц. Там он и познакомился со своей будущей женой Валентиной. Родители

Валентины были крестьяне, она у них – единственная дочь, и сами они уже в преклонном возрасте и очень опасались, что с их смертью войдет в жизнь дочери черная нужда, так что всю жизнь она будет вынуждена заниматься непосильной работой. И решили дать ей образование – продали корову, кое-что из имущества и внесли первый взнос в институт благородных девиц, решив – пусть получит воспитание и образование, может, потом станет воспитательницей в доме какого-нибудь богатого купца или иное какое найдет приличное место. Знали родители, что детей она любит, значит, сможет хорошей быть воспитательницей. Конечно, думали и о том, что, может, и для нее найдется достойный молодой человек.

Женихи в пансион ездили часто, но прежде чем отдать невесту, начальство пансиона наводило о женихе и его семье самые подробные справки, так как отдавание за жениха с плохой репутацией могло повредить репутации пансиона.

Никите Сторожеву показали будущую невесту, она ему понравилась, поехали к ее родителям, и те благословили венчаться. Они обвенчались. Но оба оказались настолько стеснительны и стыдливы, что всю жизнь прожили как брат и сестра. Но без детей не остались.

Пришла однажды к Валентине девушка, помогавшая ей по хозяйству, и сказала:

– Матушка, женщина просится пустить ее в баньку. Дело было зимой. Валентина без раздумий сказала:

– Почему в баньку? Пускай идет в дом.

– Она не хочет, она хочет в баньку, – ответила девушка.

– Ну, может, она хочет помыться, – недоумевала Валентина, – тогда помоги ей.

Прошло два дня, и девушка со смущением сказала:

– Матушка, стыдно сказать, но у нас ребенок в баньке появился.

– Это надо же, – говорит Валентина, – ну так покорми его.

– Я все сделала. Женщина просит оставить ребенка на несколько дней, пока она на работу устроится.

– Хорошо, пусть оставит. Надо будет только как-нибудь обо всем этом отцу Никите сказать.

Сели они за стол ужинать. Валентина хочет сказать и не может, так что уже и о. Никита заметил и спрашивает:

– Вы, наверно, хотите мне какой-то вопрос задать?

– Да, хочу, – едва выговорила она.

– Пожалуйста.

– Батюшка, у нас ребеночек есть.

– Какой ребеночек?

– Вот попросилась одна женщина и в баньке оставила ребеночка.

– Ну оставила, так надо крестить. Когда родился ребеночек? – И посмотрел в святцы. – Прокопий будет.

Так и окрестили ребеночка. И стал он у них как родной, из прихожан и не сомневался никто, что это их сын. А женщина не вернулась. Когда мальчику было лет шесть, через село Большой Улуй, где служил тогда о. Никита после того, как о. Евфимия перевели настоятелем в Ачинск, проезжал обоз с детьми. Везли корейских детей, круглых сирот. Стоял обоз в селе несколько дней. И вот шли о. Никита с женой и маленьким Прокопием мимо обоза. Видят, на телеге лежат, как полешечки, дети, завернутые в тряпье. Роты открывают, голодные.

Возчик, сопровождавший их, говорит:

– Люди, возьмите по ребеночку, воспитайте. Ведь это круглые сиротки погибают. Ведь они маленькие, их кормить надо!

Прокопий подошел к телеге, взял матушку за руку и сказал:

– Мамочка, возьмем одного ребеночка! Она отвечает:

– Которого?

– А вот этого.

– Ну раз ты выбрал... братика... или сестричку – мы дома посмотрим... Взяли, оказалась девочка. Назвали Марией, крестили. Воспитывали как свою, всему ее научили. И были эти дети о. Никите и матушке Валентине как родные и великим утешением – благодарное детское сердце глубоко отзывалось на истинную любовь, какую они видели со стороны священника и его жены.

Отца Никиту арестовали в 1935 году. Концлагерь находился неподалеку от Кемерово. Здесь о. Никита тяжело заболел воспалением легких. Узнав об этом, Валентина срочно собралась и поехала, и они еще раз в этой жизни увиделись. Вскоре о. Никита скончался, и администрация лагеря разрешила жене взять его тело для погребения.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2»

Тверь. 2001. С. 281-305

Библиография

Послужной лист протоиерея Евфимия Горячева (1916-1934 гг.)

Письма протоиерея Евфимия Горячева к дочери.

Архив УКГБ по Красноярскому краю. «Дело по обвинению Горячева Е.Н.». Арх. № П-8846. Л. 13-20, 23, 25, 26, 30, 35.

Там же. Арх. П-11723. Л. 1, 5, 7-10, 12, 13, 16-23, 43-46, 49, 50, 53, 56, 57, 64, 66, 69.

Примечания

¹ Священник Владимир Фокин был истинным пастырем и сердечным, отзывчивым человеком, почему и пользовался большим уважением среди своих прихожан и всех знавших его. 24 января он был захвачен отрядом Щетинкина и расстрелян в полутора километрах от деревни Лодочная. На теле его, кроме огнестрельных ран, оказалось три штыковых. Ввиду того, что места эти были захвачены большевиками, тело священника было вывезено ночью из села Ново-Еловского и перевезено в город Ачинск, где и состоялось отпевание. Священник был погребен рядом с ачинской Казанской церковью. В погребении, кроме духовенства, участвовало почти все население города.

² Он был арестован 31 января. На передней подводе ехали арестовавшие его красноармейцы, на задней – священник. Отъехав немногим более километра от села, красноармейцы остановили подводы, вытащили священника из саней, сняли с него шубу и потребовали, чтобы он снял с себя крест. Отец Михаил отказался. Тогда они попытались силой вырвать из рук священника крест, но безуспешно. Сжимая в руках крест, священник молился: "Не ведят бо, что творят!" Один из палачей выстрелил в упор в голову. Отец Михаил упал, и они стали стрелять в него, выпустив зарядов двадцать, пока не убили. 17 марта в Благовещенской церкви города Красноярска было

совершено торжественное отпевание в сослужении архиепископа и духовенства. Тело пастыря-мученика было погребено рядом с Благовещенской церковью.